

Любовь к Мейерхольду

Юрий ОЛЕША

ЭТО БЫЛО в Одессе. Я был гимназистом. Я сидел в кинематографе «Урания» и смотрел фильм «Портрет Дориана Грея». Тогда кинематограф назывался «иллюзион». Слова «фильм» не существовало. Киносеансы происходили в маленьких помещениях. Почему-то выбиравались продолговатые залы. Странно, что первое появление нового искусства — искусства индустриального, связанного с техникой нового века, — было окружено стилем, который ничего общего с новым веком не имел. Я помню мнимые украшения, затхлость. В промежутках между сеансами выступали трюфещатели с куклами. Страшные раскрашенные куклы, изображающие французских сержантов и юрничных. Они пели куплеты. Все это было очень старомодно и относилось к какому-то древнему Парижу, — к Парижу, из которого бежал испугавшийся Эйфелевой башни Мопассан.

В картине «Портрет Дориана Грея» играл Мейерхольд. Он был худой, изящный, курил сигару, один глаз его был распялен моноклам, на лице висела тесьма от монокла, он был во фраке с орхидеей.

Это была моя первая встреча с Мейерхольдом.

Вторая встреча произошла в Москве. Я стоял на углу Тверской и Чернышевского переулка, под зданием Моссовета. Был день празднования октябрьской годовщины. Шли демонстранты. Среди них во главе группы актеров шел Мейерхольд — в полубубке, в сапогах, в заломленной набедрень серой барашковой шапке.

— Мейерхольд, — подумал я: «Смерть Тарелкина». Новатор. Нет занавеса. Почетный красноармеец. Как он гордо держит голову. Москва. Я в Москве. Октябрь. Это Октябрь. Поет Мейерхольд. Красные знамена демонстрантов. Рабочие. Рабочие и актеры. Москва. Идет Мейерхольд. Какой у него нос. Странный нос. Круглая большая кость носа. Носатость героична. Она часто фигурирует в сказках, в вымыслах.

При третьей встрече состоялось знакомство. После премьеры «Заговора чувств» в театре Вахтангова Мейерхольд высказывал свое мнение о постановке актерам, постановщикам и мне, автору. Это — обычный вахтанговцев. После новой постановки они приглашают Мейерхольда за кулисы, и он высказывает им свое мнение.

Через некоторое время Мейерхольд поставил мою пьесу. Я горжусь тем, что мои мысли нашли отклик в этом гениальном артисте. Когда он начал работать над пьесой, я понял главное: он — поэт. Во время репетиций он вдруг сказал мне шепотом на ухо: «это — Золушка». Т.е. он увидел в моем замысле то, что ускользало от меня самого, — увидел то, что я хотел вложить в замысел, но не смог. Я считаю, что пьеса («Список благодарный») не удалась мне. Я создал очень трудные условия для главного актера. Зинаида Райх вышла из них с честью, но мне кажется, что если бы я раньше понял, что схема, по которой я строил пьесу,

есть неосознанная мною схема Золушки, то может быть пьеса получилась бы более хорошей.

Ходит фраза о том, что Мейерхольд не считается с автором. Я думаю, что Мейерхольд принадлежит к таким ценителям хорошего и плохого в искусстве, что автор — даже самый высокомерный — может поверить Мейерхольду. У меня не раз возникал протест, я сомневалась, но не было случая, чтобы в конце концов я не сказала себе: «Нет, он прав, а я, вероятно, ошибаюсь».

Я помню, как относился к Мейерхольду Маяковский.

— Тебе не надоело, Мейерхольд? — спрашивал он хозяина (гости просили Маяковского прочесть стихи). Он несколько раз перебивал чтение: — Тебе не надоело, Мейерхольд? Шел как-то разговор об Эдгаре

Рис. А. Костомолоцкого.

Вс. Эм. Мейерхольд.

По. Кто-то сказал, что у американской писательницы Тредуэлл (автора «Машинный») есть пьеса об Эдгаре По. Я спросил, как называется пьеса. Название не понравилось (не помню его), стали придумывать название для пьесы об Эдгаре По. Мейерхольд сказал:

— Просто... Эдгар.

Он сказал это с необыкновенной нежностью.

— Эдгар.

И я сразу согласился с ним в душе, что только так просто именем, которое оказалось очень нежным и беспомощным, следовало бы назвать пьесу о горестной жизни поэта. Этому поэту было как-то назначено деловое свидание, результаты которого могли бы сулить ему благополучие. Он отправился на свидание, но по дороге увидел девушку, прыгающую через канат. Он тоже стал прыгать через канат. Стало ясно, что у него оторвался каблук. С оторванным каблуком он не мог явиться на это важное свидание, и таким образом благополучие от него ускользнуло.

Этот случай рассказал нам Мейерхольд.

С такой же нежностью он говорит о Лермонтове.

Вместе с тем это — человек грубый. В завидном смысле этого слова. В сцене, когда едет Хлестаков, внезапно гаснет свет. Как-раз в том месте, где Мария Антоновна говорит, что «Юрий Милославский» — сочинение Загоскина. Я спросил Мейерхольда, не потому ли в этом месте гаснет свет, что в поток лжи внезапно упала первая капля фазоблачения. То есть не зводит ли Мейерхольд тем, что гасит в разгаре лжи свет, некую тему наказания? Другими словами, мне представлялось нечто мистическое в этом внезапном исчезновении света. Мейерхольд возмущился, сказал, что это ерунда и что:

— Ну, просто размахивал руками и опрокинул лампу...

На репетициях он снимает пиджак. Остается в полосатой фуфайке. Волосы стоят дыбом. На бритых щеках — порох. Уходит в конец зала. Смотрит оттуда. Если работа актера ему нравится, он кричит:

— Хорошо!

Быстро из темноты идет к рампе. Вбегают на сцену. Идет по сцене, туть согнувшись в ямьоте. Поджа-

рый, в фуфайке, он похож на шкипера.

Затем он «показывает».

Мне кажется, что это особый театр — эти мейерхольдовские показывания. Театр захватывающий, фантастический. И если бы мейерхольдовские репетиции были доступны зрителю, то зритель увидел бы работу самого удивительного актера нашего времени.

В этом — увы, закрытом! — театре раздается единственный в своем роде аплодисменты. Директор театра превращается на минуту в актера. Актер этот ослепителен. Тот актер, который должен будет играть роль, на минуту попавшую к фантастическому директору театра, понимает, что так, как сыграл директор, ему самому не сыграть... Естественной была бы тут зависть, раздражение. Но актер вместо этого награждает соперника аплодисментами.

Игорь Ильинский говорил мне однажды:

— Иногда я не соглашусь с тем или иным решением Всеволода Эмильевича. Мне кажется, что лучше будет сделать не так, как он говорит, а иначе. Я пробую сделать иначе. И получается хуже. Тогда я соглашусь, что правильно именно так, как предложил он.

Это говорил Ильинский! Поражительная физическая выносливость Мейерхольда. Он неутомим. Я видел, как он показывал смерть матроса в драме Винниевского «Последний, решительный». Эта сцена похожа на танец. Мейерхольд танцует странный, требующий особой легкости и гибкости, близкий к акробатике танец. Он повторил его несколько раз. Как ни в чем не бывало, он спустился в зал, чтобы посмотреть, как будет исполнять ту же сцену актер. Он ходил по залу, то приближаясь к рампе, то удаляясь вглубь, кричал «хорошо!» и вновь вбежал на сцену и вновь показывал.

Вечером директор театра появляется в зале. Идет спектакль. Директор стоит у двери, откинувшись к косяку. Сияние, распространяющееся от сцены, чуть затравливает его. Он стоит, скрестив руки, в профиль к публике, элегантно, мужественно. Иногда, когда внимание его напрягается, он так высоко поднимает голову, что голова кажется лежащей поперек плеч. При этом не разнимает скрещенных рук. Это тогда, когда ритм происходящего на сцене вступает в какие-то, только одному Мейерхольду ведомые соотвещения с сопровождающей музыкой.

И если в зале сидит поблизости друг, то, выйдя из такого состояния, Мейерхольд поворачивает лицо к другу и подмигивает ему. Это значит: «Ну, а ты что скажешь? Хорошо?».

Я был на репетиции в Художественном театре. В ложу во время хода репетиции вошел Станиславский. Самого ничтожного беспокойства он не хотел произвести своим появлением. Проманятого роста человек, он стал медленно, с большим трудом укорачиваться, чтобы сесть на стул, — очень медленно, с чрезвычайной осторожностью, боясь, как бы не опрокинул стул, и хотя стул не опрокинул, выражение ужаса не сходило с его лица, пока он не сел. А сел он бесшумно и легко, как бабочка.

Потом он следил за актерами.

На его лице отражались все чувства, которые проявляли актеры. Отражались мгновенно в виде гримас, как это бывает у детей. Можно было подумать, что этот великий реформатор театра впервые попал в театр.

Детскость есть необходимое качество настоящего артиста. Им полон Мейерхольд. Учитель и ученики одинаково чисты, просты и возвышенны.

Мейерхольд — знаток музыки, живописи, архитектуры. Музыка он любит страстно. Это он — друг молодых композиторов, многих он не считал: Шостаковича, Шебалина, Гаврилу Попова.

Мейерхольд любит молодежь. Еще тогда, когда он стал в ряды революционеров, определился навсегда его союз с молодежью. Он на «ты» с молодежью. Его восхищают летчики, краснофлотцы.

Иногда занимаешься тем, что придумываешь звонкие формулы, в которых стараешься объединить жизнь собственную с жизнью мира. Так, например, о детстве своем я могу сказать: мое детство называлось — братья Райт. Я думаю, что многие из тех, кому сейчас тридцать пять лет, скажут о своем детстве то же самое: оно называлось — братья Райт. В детстве я не думал, что стану писателем и что искусство станет делом моей жизни. Но так случилось. Уже и братьев Райт воспринимаю и через искусство. Мне кажется, например, что наша кинематография могла бы создать замечательный фильм о братьях Райт, — не узко: историю двух волшебных братьев, которые изобрели аэроплан, а широко: изображение всего века.

Имя Мейерхольда может участвовать в звонкой формуле. Если после Октябрьской революции возникло новое искусство, ныне удивляющее мир искусством страны советов, то можно сказать: первые годы этого искусства назывались — Мейерхольд.

Он изобрел все то, что теперь осваивают другие. Весь стиль современного советского спектакля исходит от него.

Он продолжает изобретать, изобретать и неутомимый. Дико подумать, что этому человеку, спорящему с пожарным из-за курения на репетиции, этой веселой, юношеской душе, воспламеняющейся задолго с комсомольцами, этому артисту, который может всю ночь проговорить об искусстве и утром как ни в чем не бывало оправиться на репетицию, исполнилось 60 лет!

Эта юность 60-летнего человека — одно из чудес революции. Он мечтает о новом театре. Пожелаем ему в день его 60-летия, чтобы театр, о котором он мечтает, был поскорей построен. Чтобы поскорей воздвиглось на Триумфальной площади новое здание театра, заключающее в себе новую, изобретенную Мейерхольдом сценическую площадку, на которой этот замечательный человек будет утверждать с приобщением ему блеском славы советского искусства.